

Сергей Мионов



Родился в 1970 году в Калининграде. В 1993 году окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в газете «Вечерний Петербург». Автор ряда интервью с художниками и коллекционерами ленинградского андеграунда.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Волга», «Дальний Восток», «Южная Звезда», «Белая скала», «Перископ», «Традиции & Авангард» и других изданиях. Лауреат Премии имени А. Куприна (2020).

Живет в Калининграде.

Клинический случай

рассказ

1

После развода Рита почувствовала себя полноценной женщиной. Она всегда жила как бы вне семьи: поодаль от мужа и сбоку от дочери. Дистанция эта явилась не следствием домашних конфликтов, а была заложена в самой Ритиной природе. Ее тяготил тот безрадостный факт, что она подпустила к себе молчаливого, скрытного человека, к пятидесяти годам заплывшего жиром и взрастившего колючий букет болезней: гипертония, язва, мигрень. Вита – капризный плод их загубленной молодости – откололась от мрачных родителей за год до развода: переехала жить к другу, снимавшему однокомнатную квартиру вблизи кулинарного техникума. Там будущие повара-кондитеры и познакомились.

Впрочем, если бы жил с Ритой не аморфный Анатолий, а более деятельный и стойкий к въедливым болячкам мужчина, вряд ли бы это поменяло ее отношение к взаимным обязанностям супругов. Не любила она ежедневной стряпни на кухне, влажных уборок, возни с гибнущими цветами. В будние дни Рита предпочитала прогуливаться в городском парке и ездить на море с Эмилией – давней подругой, возомнившей себя такой же сиротливой душой.

Несмотря на обилие врожденных и нажитых недостатков, Анатолий случайно нашел в больнице отзывчивую, милосердную женщину, которая обязанности медсестры распространила на него после очередной выписки, уже у себя дома. Расставание с супругом пошло Рите

на пользу. Пару недель она пребывала в раздумьях, потом по совету Эмилии затеяла генеральную уборку, а через полгода после избавления от Анатолия занялась косметическим ремонтом в квартире, застеклила балкон, на кухне поменяла шторы. Незначительные перемены в быту слегка ее растормошили: она обновила гардероб, стала регулярно посещать косметолога. Эмилия рекомендовала ей молодую маникюршу.

В продуктовом магазине, где Рита работала последние три года, ей наскучило все, кроме вкуса любимых сортов колбасы. Иногда Рите чудилось, что в мясном отделе существовал кусочек прежней семейной жизни с тем же тягостным однообразием, а хамство ворчливых покупателей было обычным, каждодневным явлением, как копошение больного супруга на кухне. За прилавком Рита вскипала регулярно. Она сама не понимала, откуда в ней бралось столько затаившейся злобы к настойчивым пенсионерам, нагловатым подросткам и дамам с глупыми игрушечными собачками на руках.

Круглолицая, в больших овальных очках, со вздернутым розовым носиком, некрасивыми тонкими губами, рыжеватой челкой, уложенной полукруглым каскадом над покатым лбом, Рита разговаривала с покупателями тихо, вкрадчиво, иногда – пренебрежительно, по необходимости по-змеиному шипела, но на крик старалась не срываться.

В середине девяностых она челночила. Моталась в Польшу на приграничные рынки за вещевым ширпотребом, потом продавала тряпье владельцам промтоварных палаток, часть шмоток сбывала сама – размещала объявления в рекламных еженедельниках. Эта схема работала безотказно. Постоянные клиенты обеспечивали Риту заказами на ближайшее будущее. В преддефолтные времена они жили с Анатолием сносно, без особой нуж-

ды. По сути, Рита содержала семью. Анатолий – сотрудник научно-исследовательского института – получал тогда зарплату консервами из балтийской кильки в томате и мороженой салакой.

Продать Рита могла практически все что угодно. Она умудрялась впаривать клиентам даже товар с заводским браком, который брала в Польше с существенной скидкой. Спрос обладает страшной поглощающей силой, если на прилавках нет предложения.

Залежавшуюся нераспроданную одежду знакомые челночницы отдавали Рите регулярно, они верили, что та сбавит трикотаж ненасытным покупателям. Рита это делала виртуозно. Приплачивать таможенникам, поощрять польским пивом и зубровкой водителей рейсовых автобусов она тоже научилась. Освоила Рита и несколько расхожих рыночных фраз на польском языке. В общении с приграничными оптовиками Рита выглядела уверенной, по-базарному прижимистой, знала, как выбить у неуступчивых продавцов дополнительную скидку. Природа наделила ее задатками предприимчивой торговли, но выше примитивной схемы «купи-продай» Рита не поднялась. Ее деловые таланты ожидаемо стухли на городском рынке. Польский и турецкий ширпотреб вытеснила качественная одежда мировых производителей, и народ устремился в торговые центры, заваленные европейскими лейблами. Шопинг как образ жизни укоренялся в умах горожан, склонных к постоянному обновлению гардероба, в худшем случае – дефилированию вблизи витрин с неоновыми вывесками и разодетыми манекенами.

Рита устроилась на работу в продуктовый магазин. За годы, проведенные в супермаркете рядом с домом, она доросла до старшего продавца, пережила несколько опасных ревизий и неприятных бесед с сотрудниками Роспотребнадзора. Из магазина Рита несла сумки

не только с акционным товаром, но и с продуктами, не оприходованными в торговой сети. Продавались они в обход товарных накладных. Такие махинации были рискованными, правда, и эта лазейка со временем прикрылась. Недобросовестным поставщикам пришлось легализовать бизнес. После того как продавщицу из молочного отдела судили за хищение дневной выручки из кассы, Рита решила завязать с опасным лихачеством. Она довольствовалась только зарплатой, правда, и Анатолия неожиданно повысили до старшего научного сотрудника. Так что бюджет их более-менее укрепился, а Вита умудрилась поступить в техникум на бюджетное отделение.

Но магазин Риту утомил. Бессмысленная трата времени, постоянные простуды, осточертевшие покупатели, а главное – безрадостная зарплата и никаких перспектив. Рита стала задумываться, куда бы податься на заработки. Но ничего интересного на горизонте не маячило. Со средним торговым образованием возрастной работник мог только прозябать в магазине. До самой пенсии. Так что она была на своем месте.

Однажды Рита особенно сильно почувствовала, что основательно приросла к тыльной стороне прилавка. Ее заточили в колбасном отделе среди варено-копченого избытка зельцев и смальцев, сосисок, нарезки в вакуумной упаковке. Как будто ее саму закатали в тонкую непроницаемую оболочку и сделали большой пепельно-розовой колбасой с вкраплениями лоснящегося жира. Почти такой же студенистой массой заплыла ее талия, наполнился живот. Продукцию своего отдела Рита ненавидела. Она хорошо знала, из какой гадости сделаны некоторые виды колбас и сосисок, помеченных предупредительной наклейкой «К завтраку». Колбасу Рита продолжала есть по привычке, от «Можайских» сарделек не отказалась, хоть и повторяла, что с каждым годом вода, в которой

она их варила, становилась пузыристее и жирнее. Любила Рита грудинку, уминала по утрам бутерброды с паштетом из гусиной печени, тащила домой острые сырокопченые чипсы, вяленые, скрученные в трубочку свиные уши. Обычно Рита варила первое на неделю, но, как правило, жидкие борщи и супы будоражили ее аппетит пару дней, после чего выливались в унитаз. О втором Рита не задумывалась. Когда подступал голод, она хватала из холодильника то, что попадало под руку.

Как-то встав на весы и узрев красную стрелку, преступно застывшую на отметке «91», Рита решила заняться собой. Из магазина нужно было немедленно уходить. Все эти болячки – прогрессирующая гипертония, бессонница, частые колиты – она приобрела на рабочем месте. Шестнадцать лет мясного рабства, нервных потрясений... Одежда, пропахшая тщедушным ароматом обработанных туш, костной ткани, а в доме – живучий гастрономический запах, пробуждающий аппетит даже на сытый желудок.

Ей следовало отвлечься от дум о еде. Она пыталась отогнать приступы жора воспоминаниями о жизни, проведенной с Анатолием. Однако экскурсии в семейный фотоархив ей хватало на пару часов. Вечером Рита вновь размораживала охотничьи колбаски и жарила их, заливая яичным желтком. Не помогли отвлечься от дум о еде прогулки по городу, посещения краеведческого музея, визиты к дочери в съемное неприветливое жилье. Эмилия попыталась затащить Риту в бассейн, в группу водной аэробики, состоявшую из пенсионеров с избыточным весом. Этот вариант, пожалуй, был оптимальным. Рита отнекивалась неделю, но все же согласилась. Она переборола страх, купила шапочку и купальник. Первое занятие в бассейне стало для нее последним. Рита всегда боялась воды. Она и дома мылась только

под душем, в ванной никогда не лежала, быстро натиралась мочалкой, смывала пену горячей водой и вырывалась на волю с чувством глубокого облегчения. Не с тем невесомым, с каким обычно выходишь из бани на свежий воздух, а с дежурным успокоительным ощущением, что в субботу ты совершил необходимый водный моцион и можно на неделю отстать от себя и не особо реагировать на потные подмышки и ноги.

В бассейне Рита чуть не пошла ко дну. Пенопластовая подушка выскользнула из-под ее слабых, пухлых рук и запрыгала, уплывая, по легкой волне вдоль поплавок. Подоспевший тренер, не раздеваясь, прыгнул в воду, когда Рита начала захлебываться. Крик она подняла истошный, но краткий и отрывистый, как вой электрички перед железнодорожным переездом.

От шока Рита отошла на следующий день. Эмилия, соблазнившая подругу чудодействием водных процедур, ощущала косвенную вину за нелепое происшествие, случившееся с Ритой в бассейне, и предложила более безопасное, но не менее эффективное занятие: норвежскую ходьбу. Махать лыжными палками в дружном коллективе чопорных энтузиастов Рита наотрез отказалась. В исцеляющую методику скандинавских шарлатанов она не верила.

Может, впервые Рита поняла, что причины ее неутешительного положения кроются в ней самой. Перемен в жизни она боялась, а человека, способного перевернуть, сокрушить пресную реальность ради взаимного блага, рядом никогда не было.

После несостоявшегося приобщения к физическим упражнениям Рита каждый день критически поглядывала на свое расплывшееся, волнообразное отражение в зеркале и пролистывала в смартфоне объявления о приеме на работу, а заодно, отвлекаясь от кусачих

мыслей о еде, поигрывала в легкомысленные игры, собирала пазлы, решала квесты. Со временем это занятие поглотило ее целиком. Вечерами Рита возилась с головоломками, зарывшись в подушках на кровати, и засыпала глубокой ночью. Утром она вновь заходила в социальные сети и просиживала в интернете до обеда. В друзья ни к кому не просилась, но сообщества разведенных домохозяек посещала.

Как-то Рита наткнулась на объявление некой Алёны: «Ищу сиделку для мужчины семидесяти четырех лет. Круглосуточное дежурство. Достойная зарплата. Подробности по телефону». Рита немного подумала, подавила приступ голода и набрала указанный номер.

Ей ответил бойкий хриловатый голос. Дама, разместившая объявление в сети, возглавляла агентство по уходу за пожилыми людьми. Она оказалась той самой Алёной, искавшей сиделку для пенсионера.

– Дедушка после аварии. Бывший спортсмен, впоследствии – тренер, – говорила интригуяще женщина. – Попал с сыном в автокатастрофу. Сын погиб, отец выжил. Многочисленные переломы, ушиб грудной клетки. Лежит с аппаратом Илизарова. – Алёна замолчала, пошуршала страницами записной книжки, продолжила: – Аппарат стоит на правой ноге. На левую руку наложен гипс. В питании непривередлив, сон нестабилен, – читала она запинаясь свои заметки. – Иногда сам ходит в туалет, но чаще пользуется судном. Передвигается с помощью ходунков. По пятницам выпивает две рюмки коньяка. Племянник говорит – для тонуса.

– А других кандидатур у вас нет? – осторожно спросила Рита.

Алёна перелистнула страницу:

– Есть бабушка за восемьдесят с деменцией. Живет в однушке. Вот еще одна дама. Эта после операции

на сердце. Обитает в четырехкомнатной квартире. Условия – жесткие. Уборка два раза в неделю, работать придется под камерами. Дочь из местной бизнес-элиты, безвылазно сидит в Ницце. Сменила трех сиделок за четыре месяца. С последней не расплатились.

Рита задумалась. Ни один вариант ее не устраивал.

Алёна словно почувствовала сомнения незнакомки:

– Поймите, в этой профессии идеальных вариантов не найти. Контингент – тяжелый, капризный. У всех свои причуды и болячки, странности. Нужно уметь сносить издевки, спокойно реагировать на претензии родственников. Вы – человек терпеливый?

– В общем, да, – ответила Рита, вспомнив, как с напускным безразличием сдерживала натиск недовольных покупателей. Угодить свежей колбасой придирчивым мясоедам было не так-то просто, даже продукцию столичных заводов они костерили нещадно.

– Берите мужчину, – неожиданно предложила Алёна. – Во-первых, две тысячи в сутки наличными, оплата еженедельно; во-вторых, будете готовить клиенту и бесплатно питаться. Только собирайте для отчетности кассовые чеки. Да, и Артур – это племянник – просил раз в месяц отправлять ему показания счетчиков. Я так поняла, он у дяди из близких один остался. Живет в области. Кстати, мой однокурсник.

– Хорошо, я подумаю, – неопределенно сказала Рита.

– Только думайте недолго, – предупредила Алёна. – Я на заявки реагирую быстро. С людьми работаем, хоть и на себя. Да и конкуренция в нашем деле зашкаливает.

Через день, в субботу, Рита поехала на Артиллерийскую. Она все же решила глянуть на Максима Андрееви-

ча и его племянника, а между делом – оценить условия проживания и раскусить благодетельницу Алёну. Недельные заработки, если верить ее обещаниям, складывались в умопомрачительную сумму, о которой Рита не мечтала со времен окончания челночных туров в Польшу. Ради такой зарплаты можно было смириться с некоторыми житейскими неудобствами, вынести капризы больного, в конце концов, опорожнять и мыть за ним судно. Гоняя в маршрутке разноцветные шарики по экрану смартфона, Рита настраивала себя на рабочий лад. Однако сразу условилась: никакие деньги не заставят ее ухаживать за дедулей, если тот окажется извращенцем. Кто их знает, на что способны великовозрастные мужчины? А этот еще и бывший спортсмен. Небось, не совсем загубленный тип. Выжил в серьезной автокатастрофе, регулярно балуется коньяком.

Алёна ждала Риту у подъезда. На директора агентства по уходу за пожилыми людьми незнакомка не тянула – молодая, лет тридцати пяти, с растрепанными, сожженными в кресле парикмахера волосами, в растянутом свитере грубой вязки, джинсах, протертых выше колен до абстрактных узоров, в расшнурованных со вздернутыми языками кроссовках. С виду взбалмошная девица без стилиа и, скорее всего, разведенная. С такими директрисами нужно быть осторожной.

– Давайте сразу договоримся, – заговорщицки увлекла Риту в темный подъезд Алёна. – Мы с вами давно знакомы. Общаться с клиентами будем как старые друзья. Вы трудитесь в нашем агентстве не первый год, все услуги осуществляются по двусторонним договорам. Один – с клиентом, второй – с наемным работником, то есть с вами. Если спросят, наш офис находится на Каштановой, 6.

У двенадцатой квартиры Алёна остановилась. Рита тяжело дышала. Подъем на четвертый этаж дался ей с большим трудом.

– Мы на месте. И последний вопрос. Вы готовить умеете? Максим Андреевич любит сытно покушать. Предпочитает русскую кухню.

– Умею, – соврала Рита.

Дверь открыл симпатичный, одетый во флисовый спортивный костюм мужчина. Был он коротко, аккуратно подстрижен: русые волосы зачесаны назад, виски и затылок оголены. Куцая бородка на его гладком, свежем лице казалась излишеством, а добрая, широкая улыбка располагала к общению.

– Приятно познакомиться, – сказал Артур и пригласил женщин в зал.

Рита осмотрелась по сторонам: типичное жилье честных пенсионеров, наживших скромное добро в далеком советском прошлом. Полированный на скошенных ножках сервант, на стене бордовый узорчатый ковер, полинялые обои с тусклыми ромбовидными блестками, архаичная мебель. На подоконнике – два глиняных горшка герани и плющ, пустивший плеть вокруг высокой фарфоровой статуэтки.

– В вашем распоряжении эта обитель, – обратился Артур к Рите, будто та уже согласилась взвалить на себя обязанности сиделки и домработницы. – Раздельный санузел, уютная кухня, балкон. Деньги на питание, хозяйствы и лекарства лежат в серванте. – Он открыл стеклянную дверцу и приподнял крышку заварного чайника. – Берите столько, чтобы хватило на двухнедельное проживание. Если выйдете из бюджета, дайте знать. На питании не экономьте. Дядя всеяден, но аппетит иногда теряет. После аварии замкнулся, ушел в себя. На глазах потерял сына, три года назад похоронил жену. – Артур указал

гостям на диван. – Тормошите его, попытайтесь втянуть в разговор, пусть даже он будет молчать, отворачиваться, капризничать. Завтрак у него с девяти до десяти, обед с двух до трех, ужин не позже семи. Послезавтра придет медсестра обрабатывать раны в местах проколов. Проблема там вылезла. Сначала говорили, ничего страшного – выделение сукровицы, обычное в таких случаях дело, а на днях пошел гной, пока умеренный. Но кто знает, что будет дальше? В общем, решайте до завтра, беретесь ли вы за нашего мужчину или мне продолжать дежурство. Я торчу тут третью неделю, – беспокожно заворочался в кресле Артур, – а человек я занятой, живу в области, у меня три продуктовых магазина, семья, дети.

– Может, представим Риту Максиму Андреевичу? – предложила Алёна.

Рита встала, почуяв, что от нее требуют определенности. Ситуация в доме явно дошла до критической точки. Артур заметно нервничал, в процессе разговора с дамами не раз глушил мелодичные звонки телефона. Алёна тоже куда-то спешила, хотя, как подозревала Рита, торопилась эта особа всегда, такие дерганные личности встречались ей регулярно. Обычно были они людьми поверхностными, но планы имели грандиозные и невыполнимые. В мозгу трезвомыслящей Риты почти не осталось места авантурным поступкам, деловой жилки она лишилась, закончив предпринимательскую деятельность, но тут встрепенулась – неловко было отказывать людям, которые, по сути, снабдили ее работой, не заглянув в куцее профессиональное прошлое, да еще пообещали достойную зарплату.

Максим Андреевич лежал в маленькой темной комнате на двуспальной кровати. Был он мрачен и худ. Вид имел немощный, страдальческий и будто поглядывал на вошедших в комнату посетителей из-под тусклой

восковой маски, наложенной небрежными слоями на малоподвижное лицо. Его впавшие, сильно ужатые к подбородку щеки пестрели россыпью колючей редкой щетины. Волос на его голове, лежавшей на двух основательно промятых подушках, почти не осталось, но жесткие брови все еще были густы и нависали над красноватыми веками проволочными полукружьями. Левая рука Максима Андреевича, загипсованная от плеча до запястья (казалось, длинные, прижатые друг к другу пальцы недавно прорвали гипс), покоилась на байковом одеяле, накрытом до груди; скрюченные пальцы правой ноги упирались в спинку кровати, от щиколотки до бедра вытянутую ногу окольцовывал аппарат Илизарова. В четырех местах из его нержавеющей ободов в ногу впивались тонкие распорные спицы и винты, притянутые гайками к каркасу. Зрелище было не из приятных. Но Рита не растерялась. По сравнению с копошением крыс под рампой на заднем дворе магазина измученный облик Максима Андреевича был не таким уж жутким и вызывал всего лишь жалость. Правда, и некоторая брезгливость при виде металлической конструкции, вонзившейся в изувеченную ногу старика, прочитывалась на Ритином дородном лице.

Артур заговорил первым:

– Вот такой адский каркас. С виду ужасный, а кости сращивает надежно.

– Если бы еще эта железяка не причиняла людям столько боли! – в сердцах бросила Алёна. – А сколько осложнений вызывают спицы! Не дай бог, начнется серьезное загноение, – она внимательно осмотрела ногу Максима Андреевича, выставленную из-под одеяла, – тогда болванку снимут и закручивать винты по новой будут рядом, в здоровые участки тела. Неспроста кольца проперфорированы. Сколько страданий людям! Доспехи с иглками! Терпите и не вякайте!

– Я сам не в восторге от этой конструкции, – согласился Артур. – Если винты начинают двигаться внутри мягких тканей, он стонет. Вот – ходунки. – Артур придвинул к кровати хлипкое с виду устройство. – Дядя пользуется ими редко. Судно стоит под кроватью.

– Он у вас вообще спокойный? – спросила Алёна, заметив, что Рита с подобострастием рассматривает пластмассовый горшок.

– Вполне, – заверил однокурсницу Артур.

Но Риту это не убедило. Она вдруг представила, каким гигантским ошипанным деревом нависнет над ней Максим Андреевич, если встанет с кровати. А сколько звуков издаст его поврежденная фигура, когда сдвинется с места! «Франкенштейн», – чуть было не сорвалось с ее длинного языка. Указательным пальцем Рита поправила очки на влажной переносице и еще раз окинула сухого неподвижного пациента беспокойным взглядом.

Артур подошел к комоду и взял с наклонной пластмассовой подставки черно-белую фотографию, на которой волейболист застыл в высоком прыжке над сеткой, блокируя ладонями удар соперника.

– Дядя играл в волейбол. Выступал за область, тренировал детей, потом возглавлял городскую федерацию. Иногда он просматривает фотоальбом, случается, комментирует прошлые матчи, так что не пугайтесь, когда раздастся что-нибудь вроде «Мяч в первую зону!» или «Играй, Володя!».

Услышав знакомые слова, Максим Андреевич зашевелился. Не таким уж беспомощным он был на самом деле, смекнула Рита, видно, дедок почувствовал, что к нему скоро поделят постороннего, потому слегка обиделся на Артура, напустил на себя горестный вид, мумифицировался.

«Утомил, похоже, племянника. Ничего, опустим на пол блокирующего, – набралась смелости Рита. – Не таких еще приводили в чувство».

Она прожгла тело Максима Андреевича беглым, шарящим взглядом, потом уставилась в его потухшие глаза и сказала:

– Что ж, попробуем поработать.

– Ой как здорово! – просиял Артур. – Максим Андреевич, знакомься! Это – Рита. Будет за тобой ухаживать. Человек она порядочный, проверенный. Не с улицы, не волнуйся – из агентства, – понесло на радостях племянника. – Как ваша контора называется?

– «Надежда плюс», – сообщила Алёна, которая, как и Артур, не ожидала от замкнутой Риты получить столь быстрое согласие.

– Рита так Рита, – безразлично выцедил Максим Андреевич, неожиданно зевнул и, содрогнувшись, окропил одеяло струйками мелкой обильной слюны.

– Будем считать, знакомство состоялось, – удовлетворенно заметил Артур. – Жду в понедельник к девяти. Не забудьте вещи, мыльные принадлежности. Постель имеется. – Аккуратно взяв под локоть, он вывел Риту из спальни. – О всех мелочах переговорим детально.

В прихожей Алёна спросила:

– Дядя у вас всегда такой неразговорчивый? Посторонних, похоже, не очень жалует.

– Максим Андреевич и со мной не всегда общается, – пояснил Артур. – Он то плачет, то смеется, как пел Высоцкий. Психолог сказал, что такие душевные диссонансы продлятся еще минимум год. – Артур взял договор, который ему протянула Алёна, и положил на обувницу файл с бумагами. – Всего-то три месяца прошло с момента аварии. Практически ничего... Пробовал давать антидепрессанты – не действуют. Выписал трамадол – еще хуже

стало: забываться старик начал. Меня как-то не узнал, ночами бредил, жену и сына вспоминал. Кстати, перед сном он включает «Радио России», довольно громко, – предупредил Артур Риту. – Музыка его немного успокаивает. Вы уж с этим смиритесь. Заснет – зайдите в спальню, приглушите звук. Но соблюдайте конспирацию – сон у него поверхностный.

3

В трамвае, по дороге домой, Рита так и не поняла, кто потянул ее за язык и она вдруг выдала утвердительную фразу, дала согласие, раззадорившее усталого Артура. Вроде не собиралась она вот так сразу, не проработав в уме довольно неприятные детали работы сиделки, переезжать к больному подозрительному пенсионеру.

Рита удивилась такой решительности, но быстро одернула себя, ей нужно было срочно чем-то заняться, чем-то новым и прибыльным. Конечно, она могла бы и дальше безвылазно сидеть дома за отупляющими играми в телефоне, если бы не безденежье. Больше года Рита жила в параллельной реальности и выбиралась из социальных сетей только в особых случаях. В ванну и туалет она шла с телефоном, в редкие моменты кулинарных экспромтов, боясь забрызгать экран жиром или обдать кипятком, Рита щекой прижимала телефон к плечу и укрощала на плите бунтующие супы и картошку. Она бы и дальше жила дома в зашторенном, наспех состряпанном мире, будь рядом с ней покладистый мастеровитый сожитель. Она бы возложила на него обязанности по дому, как некогда отрядила Анатолия дежурить на кухню, а сама бы развлекалась на диване с телефоном. Варить гречневую кашу Рита так и не научилась, часто воевала с размазанным по сковородке желтком, когда жарила глазунью,

а рыхлые фрикадельки, которые разваливались в кипящем бульоне, ваяла, болтая по телефону с Эмилией.

«Максим Андреевич любит поесть», – вспоминала Рита угрожающие слова Алёны, но все же успокаивала себя, надеясь, что гастрономические запросы старика окажутся предельно скромными, как у большинства людей, прикованных к постели.

«В конце концов, надо собрать деньги на приличный ноутбук», – размышляла Рита и прикидывала, что через три месяца посмотрит аниме Миядзаки в идеальном качестве.

В понедельник утром Рита увидела, как медсестра обрабатывает отекающую синеватую ногу Максима Андреевича.

– Проходите вокруг спиц водкой, стерильной салфеткой удаляете выделения. Потом распыляете на очищенные участки кожи мирамистин. После высыхания раствора посыпаете обработанную поверхность баноцином.

– Запомнили? – деликатно поинтересовался Артур.

Рита кивнула.

– Далее берете заранее подготовленные лоскуты бинта, аккуратно обкручиваете вокруг спицы.

Под присмотром медработника Рита обвила стержень узкой сетчатой полоской.

И края бинтика фиксируете лейкопластырем, но сильно накладку не прижимайте – кожа должна дышать.

Пока Рита входила в курс новых утренних обязанностей, Артур разговаривал по телефону. Простившись с медсестрой, он показал Рите кухню. На полках над обеденным столом стояли банки, в которых хранились крупы, приправы, вермишель. Рядом с индийским растворимым кофе зеленел китайский чай. Сахар хранился в полиэтиленовых пакетах. Артур был запасливым хозяином. Рита это поняла, когда увидела в холодильнике три пачки

масла, четыре палки вареной и полукопченой колбасы. В морозилке сквозь легкий песчаный иней проглядывало филе судака в вакуумной упаковке, хранились два пакета пельменей и вареники с творогом. На две недели безбедного существования этого изобилия хватало, а при экономичном расходе продуктовых запасов (Рита, кстати, в очередной раз нацелилась сесть на диету) протянуть, не голодая, можно было и все три.

Уходя, Артур сбросил Рите свой номер, сказал, что заезжать и выплачивать зарплату будет по субботам. Покупать продукты он попросил два раза в неделю, а по средам предложил отлучаться из дома на пару часов – проверять, все ли в порядке в ее квартире. Деньги он положил в условленное место.

Артур оставил Рите убранное жилье. Судя по тщательно вымытым полам, вздыбленному ворсу чистых ковров, политым цветам, человеком он был работающим и ответственным.

«Редкий случай торгаша из районного городка, – подумала Рита и еще более удивилась заботливому отношению племянника к дяде, когда обнаружила в холодильнике полную кастрюлю густого борща. – А, ну да, – вспомнила она слова Артура, – первым на пару дней вы обеспечены, а второе придется готовить».

На удивление, Максим Андреевич оказался посредственным едоком. К такому выводу Рита пришла в первую неделю проживания в новой квартире.

«У стариков аппетит напрямую зависит от настроения и бодрости духа», – размышляла она, наливая в пятницу днем прокипяченный борщ в тарелку Максима Андреевича. Готовить она вознамерилась со следующей недели, после первой зарплаты.

– Завтра придет Артур, – сказала Рита жующему пациенту. – Если спросит, почему продолжаем кушать борщ,

ответим, что нечего добру пропадать. Хорошего борща никогда много не бывает.

– Вкусный борщ, – почмокал жирными губами Максим Андреевич и указательным пальцем, торчащим цепким крючком из гипса, придвинул поднос к впалому животу. – Был бы мой лоботряс таким же внимательным, как Артур, варил бы сейчас я себе любимые щи и Егора бы угостил. – Максим Андреевич поднял худые плечи и, вздрогнув, опустился, осел в подушки, подложенные под локти и спину. – Недосмотрел. Недовоспитал. Спорту жизнь отдал и жене. – Он глянул на черно-белый портрет супруги. – Когда на тренерскую работу ушел, поздно было нотации читать. Деятельный вырос пацан, да бестолковый. Все жить спешил. Себя угробил и отца инвалидом сделал. У вас-то дети есть?

– Дочь, в кулинарном техникуме учится, – болтнула Рита лишнего, подумав, что пора заканчивать разговоры о еде.

– Выходит, по стопам матери пошла, – смекнул Максим Андреевич и здоровой рукой отодвинул тарелку с недоеденным борщом. – Хозяйкой вырастет. Женщина должна уметь готовить, вкусно готовить. Артур вон дома за жену пашет, из кухни носа не кажет да еще работает, по магазинам своим носится и детей двоих воспитывает. Вы не такая, надеюсь. Все умеете, все понимаете?

– Ну не все, конечно, – картинно улыбнулась Рита. – Совершенствуюсь по мере возможностей.

«Дедок в ясном рассудке, – с сожалением констатировала она на кухне. – Крови попьет основательно. Вот такие в больницах медсестер и изводят».

Впрочем, она все же не пожалела, что согласилась заняться неблагодарной работой. Завтра был день первой зарплаты, и это ее раззадорило. Вечером Рита поднесла

Максиму Андреевичу пятничные сорок граммов «Арарата» и из початой бутылки плеснула себе вдвое больше.

Артур приехал после обеда. Первым делом он прошел в комнату дяди и осмотрел его ногу. перевязки Рита делала каждый день. Гнойные выделения заметно уменьшились, Максим Андреевич почувствовал облегчение в районе голеностопа, потому – высокий и узкий, похожий на сдвинувшийся с места столб, – ходил с утра, гремя ходунками по стертому паркету, заглядывал в туалет и в ванную. Банного дня он ждал всю неделю.

Утром Рита затеяла куриный суп. Пожалуй, из первых блюд это было единственное, которое она умела готовить. Остатки борща она вылила в унитаз. Максим Андреевич, накануне взбодренный коньяком, ничего не сказал племяннику про опостылевшее первое, да и общение с Артуром задвинуло нудное присутствие Риты на задний план.

В этот раз Артур не стал давать Рите новых указаний. За неделю ее безмятежного существования подле Максима Андреевича в доме еще было чисто, почти так, как в тот день, когда Артур покинул квартиру. Потому он прежде всего поинтересовался здоровьем дяди, спросил Риту, как ей живется с пенсионером, и протянул деньги. Крошкам на кухонном столе, половнику, утопленному в кастрюле, что всегда его раздражало, Артур не придавал значения. Не заглянул он и в холодильник, не открыл балконную дверь, не зашел в туалет. Он давно, с университетских лет, знал Алёну и верил, что дурного человека однокурсница ему не подсунет.

А между тем в первую свободную среду Рита прихватила из шкафчика над унитазом три рулона туалетной бумаги, положила в сумку пакет мороженой цветной капусты, банку белорусской тушенки, банку шпрот, отсыпала в лоток полкило сахара и все это благополучно вынесла

из квартиры. Изобилие продуктов и разных полезных мелочей, бесцельно накопленных Артуром, требовало к себе иного отношения – практического. Так полагала Рита, раскладывая на продавленных полках в своей кладовке туалетную бумагу и жестяные банки. В конце концов, дед никогда не прикаснется к забытым шпротам, которым от роду три года. И на кой черт ему нужна цветная капуста? А ей она пригодится.

«Когда-нибудь обжарим в муке до аппетитной хрустящей корочки», – подумала Рита и бросила подтаявший пакет в морозилку.

4

Через неделю в гости к Рите наведалась Алёна. Она пришла за своими деньгами. По устному договору тридцать процентов от недельного заработка Рита обязалась отдавать хозяйке агентства. Но даже с вычетом этой незначительной суммы зарплата казалась Рите вполне достойной. Мечта о ноутбуке приобретала вполне реальные очертания.

Алёна вскользь поздоровалась с Максимом Андреевичем, прошла по квартире и сказала:

– Ну и бардак ты развела! – Она пересчитала деньги. – В унитазе дерьмо плавает, в коридоре – песок под ногами. А пыли сколько кругом! Смотри, Артур приедет, достанется в первую очередь мне. А потом я тебя рублем высеку.

Алёна заглянула в заметно оскудевший холодильник, открыла морозилку, где на видном месте лежали куриные четверти и синеватый, похожий на камень пакет домашнего фарша.

– Кормишь ты его сносно, – заключила она, смягчаясь и разглядывая в корзине грязное белье. – Стирать давно

пора. И на уборку нажми. Артур спокоен, пока жена дома не дергает и поставщики не одолевают.

Алёна покурила на балконе, выпила растворимого кофе и, сухо простившись в дверях, оставила Риту в раздумьях одну на пыльной дорожке в унылом коридоре.

– Вот лахудра, ничем особо не занимается, только языком чешет, – недовольно шепнула Рита, – а деньги лопатой гребет. Сколько у нее таких калек на контроле! – Но неожиданно остепенилась: – Пронесло сегодня. Впрочем, не в первый раз.

Она собралась с силами, поелозила бывалым ершиком в унитазе, пропылесосила дорожку в коридоре и пошла в магазин за свеклой для борща.

5

В следующую субботу Артур не приехал. Он прислал сына, который выдал Рите зарплату сразу за две недели. Не спросив, остались ли в доме деньги на хозяйству и продукты, Гриша протянул Рите еще один конверт.

– Вот, отец на пропитание дал, – сказал он безразлично. – Это вам на двоих.

Вечером Риту расперло от счастья. Она тянула коньяка, который преступно быстро заканчивался в пол-литровой бутылке. Деньги плыли к ней в руки. Дома она практически ничем не занималась. Нога Максима Андреевича особо не тревожила. Он стал чаще пользоваться ходунками, продолжал по ночам слушать «Радио России», был непривередлив в ее еде: куриным бульонам с яйцом и супам с мини-фрикадельками, отварной картошке с тушенкой, магазинным пельменям. Хотя, как показалось Рите, пациент ее заметно похудел. Он и в первый день их знакомства был похож на иссохшего кузнечика, а теперь выглядел каким-то замученным, надломленным сухо-

ем со скудной седоватой растительностью на землистой макушке.

«Хорошо, Артур его таким не видит, – подумала Рита, но тут же успокоилась: – Ладно, подкормим на этой неделе».

Она залезла в интернет и из множества вариантов выкопала самый распространенный рецепт приготовления борща. Ингредиенты Рита подготовила заранее. Говядину на косточке она покупать не стала. Решила сэкономить и сварить бульон на размороженных куриных остатках. Свеклу она держала на огне сорок минут, а за жарку – кольца лука и крупно натертую морковь – спалила в подсолнечном масле на капризной сковороде. Это Риту несильно расстроило. Ее смутил пересоленный жидковатый бульон. Она позвонила Эмили и описала невеселую ситуацию. Та посоветовала отлить из кастрюли воды и добавить свежей. Как обычно, Рита говорила по телефону, зажав его между щекой и плечом. В левой руке она держала нож и тыкала острием в размякшую свеклу, правой – боролась с подгоревшей поджаркой, подбрасывала ее над сковородой деревянной лопаткой. И все бы успешно закончилось выполнением совета Эмили, если бы телефон предательски не выскользнул из-под потной щеки Риты и не плюхнулся в пузырящийся бульон, еще не снятый с пыхтящей конфорки.

Рита вскрикнула, отскочила от плиты и смахнула с лица капли кипятка. На завтрашний обед она анонсировала Максиму Андреевичу борщ. Заработанные за две недели деньги утонули в бурлящем вареве. Рита выругалась, обозвала себя конченной дурой (редкий приступ самокритики) и, напрочь забыв о борще, выплеснула содержимое кастрюли в раковину. Впопыхах она сунула скользкий телефон под горячую воду (хотела смыть жир), но быстро сообразила, что сделала это зря.

Потом она суматошно терла смартфон вафельным полотенцем, сушила его на подоконнике под солнечными лучами, пыталась протереть разъемы ватными палочками, но угасший «Самсунг» не подавал признаков жизни.

– Сдох, – чуть не до слез опечалилась Рита. – Надо покупать новый.

Накопления на ноутбук улетучились.

Ночью Максим Андреевич громче обычного включил радио. По пятничному графику Рита плеснула ему коньяка, а остатки (граммов сто – сто двадцать) выпила чуть ли не залпом с обреченным остервенением и проглотила приторный шоколадный батончик. К следующей пятнице ей предстояло разориться еще и на бутылку «Арарата».

Более всего Рите не давал покоя загубленный смартфон. Борщ откатился на второй план, но тоже морочил ей нетрезвую голову, а неспящий Максим Андреевич начал раздражать.

– Стоять на блоке, – бухтел он и дергал скрипучие ходунки. – Играй, либеро! Очкуешь весь сезон!

Повести от двух стопок его не могло. Чувствовал он себя всю неделю неплохо, давление нормализовалось после того, как затянулись ранки вокруг спиц на голеностопе.

«Мстит за плохое питание, – предположила Рита. – Днем недовольства не проявляет». Завтра утром она попытается сварганить что-то вроде борща. Вареную куриную мякоть и свеклу Рита засунула в холодильник. Нужно будет позвонить Эмилии и пригласить в гости. Пусть сварит первое. Да и деньги на новый смартфон придется передать.

В шестом часу утра Риту разбудил неприятный запах. Максим Андреевич спал. Он сопел и неприятно стрекотал, будто вставил за щеки самодельную тре-

щотку. По «Радио России» крутили музыку из «Лебединого озера».

В комнату через приоткрытое окно проникал знакомый аромат. Узбеки с третьего этажа возились на кухне с мясом, жарили лук вперемешку с терпкими приправами. По ночам они рубили на табуретке мясо, а выпечку (это Рита отследила) почти каждый день отвозили на продажу, раскидывали по палаткам самсу, чебуреки, лепешки. Детей в двухкомнатной квартире обитало не менее четырех. Постоянно в душном жилище дежурили две полные женщины неопределенного возраста, мужчины в доме долго не задерживались – и всех надо было кормить.

Сном Рита обладала крепким, Максим Андреевич и музыкальный репертуар «Радио России» ее не беспокоили. Риту подбешивало: мышинное копошение на соседской кухне под нескончаемый аккомпанемент топора и тревожили противные запахи. Чутьем она обладала острым, развила обоняние, стоя за прилавком в отделе. Отрезав кусок развесного сыра, могла вынести неутешительный вердикт белорусскому «Маасдаму».

В восьмом часу утра, пока Максим Андреевич спал, издавая все те же артистичные трели, Рита с домашнего телефона позвонила Эмилии.

– Тут такие дела, – зашептала она, прячась за кухонной дверью. – Я утопила в борще смартфон. Можешь купить новый? Деньги я дам. Ну и борщ этот дебилный надо сварить сегодня к обеду. – Рита на мгновение замолкла, пытаясь уловить настроение подруги. – Я старику обещала.

– Могу завтра заехать, – с легким сожалением ответила Эмилия. – В десять с Аликом едем на море. – И деловито добавила: – Да сама свари его. У тебя вроде получалось раньше.

– Раньше я и в Польшу моталась, и в гданьских ресторанах обедала. И ликеры по выходным пила, – вспомнилось сгоряча Рите.

– Да справишься, – издали отозвалась Эмилия.

На выдумки Рита была хитра. Коварные идеи тоже приходили ей в голову, иногда удачные. Она убедилась, что Максим Андреевич безмятежно спит, и в тапках пошла к соседям на третий этаж.

Открыла ей массивная женщина в длинном цветастом халате. В отличие от Риты лишней вес она не считала своим недостатком, во всяком случае, обтянутые хлопком пышные тела ее не смущали. Особа эта регулярно демонстрировала их прохожим на бельевой площадке. Голова полной дамы была покрыта платком, приспущенным на лоб. Широкою неприветливую узбечку Рита пару раз встречала на лестничной клетке. С незнакомыми людьми Рита из принципа не здоровалась, а тут недавно шикнула на пеструю домохозяйку, когда та оттеснила ее мощным плечом от почтового ящика, проложив дорогу к двери подъезда.

Рита планировала начать общение по-хорошему. С порога ее обдало разящим букетом кухонных запахов и чем-то еще, несвежим и гнетущим. Сама же Зухра, как ее окрестила Рита, стояла в коридоре недоброй рельефной скалой и вафельным полотенцем вытирала мокрые руки.

– Ты из чего пищу готовишь? Из говна? – не сдержалась Рита.

– Самсу из мяса готовим, – спокойно ответила как бы Зухра. – Берем у фермеров. Брат привозит.

– А чем воняет? Спать невозможно!

До Риты дошло, что криком хозяйку не прошибешь.

– Бараний жир пахнет, зира пахнет, – слегка оживилась как бы Зухра. – Мясо барана аромат сильный дает.

– А борщ сможешь сварить? – обреченно перешла Рита к делу.

– Борщ не варим, – снова помрачнела хозяйка. – Шурпа – лучше. Сейчас варим. Томат там есть, перец красный, сало.

– Можешь мне отлить? Я заплачу, – пошла ва-банк Рита.

– Триста рублей будет стоить, – сухо сообщила как бы Зухра. – На продажу варим. Две порции даем. Меньше не даем.

– Мне одна нужна, – выпалила Рита, но быстро сообразила, что деда предстоит кормить еще завтра. – Ладно, давай две. Сейчас деньги принесу.

Она побежала на четвертый этаж, из мойки вытащила эмалированную кастрюлю, в которой на стенках мутно блестели капельки жира. Подумала: «Шурпа должна его устроить. Тот же борщ, только узбекский. На баранине, со специями, – успокаивала она себя. – Не худший вариант, разнообразие, в конце концов. Да и деваться ему некуда. Схавает то, что подам».

Рита глянула в комнату Максима Андреевича. Тот спал, но мог проснуться в любой момент. Здоровой рукой он поглаживал загипсованную и терся спиной о скомканную простынь. Так он делал всегда перед пробуждением.

Рита прикрыла дверь в спальню и выскочила из квартиры, прихватив из серванта три сотенные бумажки.

Шурпа была горячей. Пахла томатной пастой, смешанной с пряностями, и этот насыщенный запах не имел ничего общего с ночными проникновениями в ее сон тлеющего душка из кухни сомнительных поваров.

В полдень позвонила Эмилия.

– Ну что, приготовила? – спросила она, продолжая что-то обсуждать со своим приятелем.

– У узбеков шурпу купила, – созналась Рита в подмене сегодняшнего меню. – На два дня хватит.

– Зря ты это сделала, – обеспокоенно сказала Эмилия. – Старики не любят острое. Ты сама-то супчик пробовала?

– Нет, я такое не ем, – сказала Рита и запустила половник в густую студенистую массу. Потом продегустировала блюдо.

Предположение Эмилии подтвердилось. Шурпа оказалась островатой, но была вполне съедобной. Риту встревожило не количество специй в супе, а то, как она объяснит Максиму Андреевичу неожиданную перестановку в меню: варила борщ, а вышла шурпа. Но пациент ее – дедок спокойный, должен принять перченую реальность.

Эмилия, однако, была другого мнения.

– Давай закажу на дом борщ из приличного ресторана, – предложила она настойчиво. – Время еще есть. Оплатишь наличкой.

Но Рита отказалась от помощи подруги. Заработок почти весь сгинул в борще, а аванс за третью неделю праздных шатаний по квартире предстояло еще отработать.

В два часа Рита отнесла подогретую шурпу в комнату Максима Андреевича. Заранее придвинула к кровати журнальный столик, с клеенчатой салфетки смахнула хлебные крошки, тонкими ломтиками нарезала батон. Она вела себя уверенно, с нарочитой наглостью. Другую модель поведения при постороннем, ослабленном недугами человеке, хотя в сложившейся обстановке посторонней была как раз она, Рита освоить не могла, да и не хотела. В ней все еще жил неискорененный вызов ненавистным мучителям: работодателям, соседям, этому молчаливому дедушке, покалеченному лихачом сыном.

На второе Рита сварила картошку и сосиски. В банке нашла два маринованных огурца. Максим Андреевич включил радио. Днем музыку он слушал редко, в основном смотрел новостные каналы по телевизору, установленному на комодке рядом с фотографиями. Событиям в мире и стране он уделял не более получаса: берег зрение и нередко поругивал политиков за то, что к лучшему в жизни пенсионеров ничего не меняется, а значит, и нечего было подолгу слушать болтливых дикторов и корреспондентов.

Рита заглянула в комнату. Максим Андреевич помешивал ложкой шурпу. Судя по забрызганной салфетке, обедать он уже начал. Но возился с первым он без энтузиазма. Впрочем, ел ее подопечный всегда медленно.

Рита вернулась на кухню и еще раз позвонила Эмилии. Надо было как можно раньше вытащить подругу с побережья и отдать деньги на новый смартфон.

– Вечером заеду. Не представляешь, как сегодня хорошо на море! Легкий бриз, чистейшая вода, – восторгалась Эмилия благодатной обстановкой на пляже. – Ноги помочила – такая легкость по телу разошлась. – И, вспомнив о главном, спросила: – Ну как ему шурпа?

– Ничего, обедает. – Рита снова подсмотрела за Максимом Андреевичем. – Сейчас болтает по телефону. Полтарелки слопал.

Только Рита положила трубку, на домашний номер прошел вызов. Звонил Артур.

– Так что там с первым? – услышался в трубке раздраженный голос племянника. – Обещали борщ, а сварили хрен знает что! Неделю старика за нос водили! – Рита насторожилась. – Сколько раз зарекался обращаться к знакомым за помощью. Пришлют дармоедов, потом от них не избавишься, – не унимался Артур. – Я вам деньги вперед за неделю заплатил, на хознужды выделил, а вы

старику в первое нахаркали. Максим Андреевич просил борща!

Артур разъярился не на шутку. Такого напора Рита от него не ожидала. В жизни она встречала нескольких неврастеников, усердно прятавших психические расстройства под приветливую маску доброжелателей. Таких самодеятельных актеров Рита быстро раскусывала. Но Артур показался ей скромным, застенчивым человеком.

«Этот напролом не поперет, – ошибочно заключила она после первой встречи с племянником Максима Андреевича, предвкушая вольготное сожительство с большим пенсионером. – Этот будет сорить деньгами, чтобы вырваться на свободу из чахлой хрущевки, будет дистанционно мониторить обстановку».

На деле же Артуру хватило одного звонка, чтобы размазать Риту по стенке, как жирную ленивую муху.

– Срочно решайте вопрос с обедом, – наседал он на испуганную сиделку, – а в понедельник поговорим по душам. Я приеду!

Рита засуетилась. Она снова позвонила Эмилиии. Но та, видимо наслаждаясь теплой морской водичкой, оставила телефон на берегу и не отзывалась.

«Надо было заказывать борщ. Первое он бы уже сожрал! – родилось в Ритином суматошном разуме, а в очнувшейся совести шепотком прозвучало: – Нехорошо вышло – подвела Алёну и деда расстроила. Дурацкий случай, ничтожная проблема – и так вляпаться! О последствиях узнаем послезавтра. Глядишь, погонят с работы».

Вконец обалдевшая Рита метнулась к навесному шкафу. Она собралась все-таки разобраться с ненавистным борщом, изваять его из остатков вчерашней куриной роскоши, рыхлой свеклы и последнего картофеля, благо томатной пасты и растительного масла было в избытке. С решитель-

ностью опытного шеф-повара Рита ухватила пластмассовую рукоятку и вытащила сковороду из буфета. Другой рукой она потянулась к «Олейне», но пластиковая бутылка лишь покачнулась и осталась стоять на подоконнике среди терок и лотков со столовыми приборами. Внезапно из наклоненной сковородки на кафельный пол выплеснулись остатки потемневшего масла (в нем вчера клокотала поджарка), и Рита поехала по скользкой плитке к окну, описав замысловатую дугу, такую же бесполезную и извилистую, как и все дела, за которые она когда-либо бралась.

Рита ударилась головой о край подоконника и локтем врезалась в дверцу буфета. Грузным, увесистым мешком она осела на пол. Стена напротив – легкомысленные желтые тюльпаны на потускневших обоях – вдруг показалась ей дымчатой, местами темно-серой, а вместо цветов перед глазами прыгали искристые огоньки и жгли затылок, будто острием ножа кололи виски.

Потом из тягучей облачной завесы перед Ритой возник Максим Андреевич. Он стоял у холодильника, опираясь на смазанную стену, был похож на растрепанного судью в темном банном халате и угрожающе постукивал по полу ногой, обутой в аппарат Илизарова. Строго приговаривал:

– Душу твою я уже не спасу, да и не мое это дело, а вот в травмпункт бестолковое тело отправлю.

Эта фраза предназначалась Алёне. Рита разглядела ее охающую фигуру сквозь мозаичные, туманные стекла разбитых очков, которые здоровой рукой подобрала с пола и кое-как нацепила на нос.

– Забирай отсюда хабалку, – решительно скомандовал Максим Андреевич. – Всю неделю ночами шарил по холодильнику, пока эта дрыхла на диване. Отсыпаться сюда приехала. А сегодня курдючное месиво на обед подсунула. Увози ее!

Алёна с третьей попытки поставила на ноги Риту и, закинув на плечо ее тяжелую руку, поволокла к выходу.

– Деньги, – вспомнила Рита и застонала от тупой наступающей боли в голеностопе.

Зарплату она хранила на книжной полке в глянцевом руководстве по уходу за домашними растениями. Но деньги сейчас ей были не нужны.